

Восточная Прибалтика во власти России

Сразу после сражения у Петра началась нервная горячка – таким сильным было психологическое потрясение. Однако он не терял времени даром и на редкость удачно использовал Полтавскую победу для укрепления дипломатических и военных позиций России. В эти месяцы Петр проявил поразительную оперативность, которая была связана с желанием царя «ковать железо, пока оно горячо», то есть пока шведы не пришли в себя после поражения. Кроме того, потери русской армии под Полтавой были невелики и вскоре, после отдыха, она легко двинулась в поход.

После Полтавы 1709 года Россия перехватила инициативу у противника. Теперь уже непрерывно обороняться приходилось не русским, а шведам. На волне полтавского успеха Петру удалось не только вернуть польский престол Августу II, но и восстановить разрушенный Карлом XII Северный союз. Армия двинулась в Польшу. Станислав I Лещинский был изгнан из Варшавы, а королем Польши вновь стал Август II. Но после измены 1706 года Петр уже не питал прежних теплых чувств к Августу, прежде «брату истинному, а не по имени». Ситуация после Полтавы 1709 года резко изменилась в пользу России: престиж ее необыкновенно поднялся. Капризная богиня победы уже не покидала лагерь Петра.

Полтавская победа позволила Петру оформить план раздела владений Швеции. По мысли Петра, коалиция стран, куда входили Россия, Саксония, Речь Посполитая, Дания, Пруссия, Ганновер, должна была напасть на Швецию, ослабевшую в русском походе, и раздробить на куски ее владения. Ганновер, Пруссия, поляки и саксонцы брали провинции Шведского королевства в Северной Германии, датчане – в Сконе и Норвегии. А Россия оставляла себе Эстляндию и Финляндию. И хотя прежние союзные договоры не предполагали присоединения этих владений к России, полтавская победа была так ярка, влияние России так выросло, что Август II против намерений Петра не возражал. Отныне его власть в Польше полностью зависела от русского царя. Девятого октября 1709 года в Торуне он подписал с Петром союзный трактат, согласно которому к Саксонии переходила только Лифляндия с Ригой. Вскоре Дания восстановила договор с Россией. Северный союз был возрожден. В результате личного свидания Петра с прусским королем Фридрихом I в Мариенвердере Пруссия также фактически присоединилась к Северному союзу.

После возвращения Петра из-за границы в Россию в Москве был устроен грандиозный праздник победителей. Москвичи могли видеть бесчисленное количество трофеев, которые несли, тащили, везли, вели по улицам столицы под специально построен-

ными к этому дню триумфальными воротами. Тут были шведские пушки и знамена, походная канцелярия короля Карла и его носилки, литавры и барабаны, оружие и другие трофеи. Бесконечным казался и поток пленных шведов. В первых рядах шли генералы и придворные Карла во главе с первым министром короля графом Пипером.

С весны 1710 года военные действия возобновились. Русские войска осадили столицу генерал-губернаторства Восточной Прибалтики Ригу. Осада была долгой и тяжелой. Город подвергся жестокому артиллерийскому обстрелу, начавшаяся чума косила, не разбирая, и осажденных и осаждающих. Первых умерло 60 тыс., а вторых 10 тыс. человек. Наконец, не выдержав осады, Рига открыла ворота победителям. Потом сдался гарнизон Пернау (Пярну), позже русские войска заняли остров Эзель (Сааремаа), а 29 сентября 1710 года они вступили в Ревель (Таллинн). Не менее выразительны были успехи русских войск в Карелии. Слабые шведские войска в этом районе не могли выдержать натиска русской армии: сначала, после «плотной» осады, сдался Выборг, а потом Кексгольм (Корела). Так, за одно лето вся Восточная Прибалтика оказалась в руках Петра. При этом царь нарушил условие соглашения 1709 года с Августом II – присоединил к России и обещанную ранее польскому королю Лифляндию.

Заглянем в источник

В манифесте Петра о включении Эстляндии в состав России от 16 августа 1710 года говорилось, что Эстляндия занята Россией потому, что «король шведский, по причине известного своего упорства, не дает нам никакого покоя, так что для верного достижения этой справедливой конечной цели мы вынуждены направить свои вооруженные силы в Эстляндию, дабы укрепиться в ее морских гаванях и тем самым защитить себя от всяких вторжений».

В том же манифесте Петр утверждал:

«Мы уверены, что не только благородное рыцарство и землевладельцы, но и город Ревель надлежащим образом оценят свое освобождение от шведского ига, от коего они так долго страдали».

Итак, мы видим два мотива, объясняющие, почему Петр занимает шведские провинции: необходимость обезопасить свои владения (прежде всего Петербург) от шведского соседства и желание освободить Прибалтику от «шведского ига». Если второе объяснение – из разряда пропагандистских, то первое является типичным, распространенным во всем тогдашнем мире объяснением имперского захвата чужих территорий.

В истории с оккупацией Эстляндии и Лифляндии Петр применил обычное в мировой политике право сильного. До Ништадтского мира со Швецией, по которому Эстляндия и Лифляндия были официально закреплены за Россией, оставалось еще 11 лет, но Петр уже вел себя в Прибалтике как повелитель. Так, при сдаче Риги он потребовал, чтобы лифляндское немецкое дворянство немедленно письменно присягнуло в верности русскому царю. Это означало, что уже в 1710 году лифляндцы становились подданными царя. Подобное же было проделано и с шестью полками шведской армии, которые комплектовались из населения Восточной Прибалтики. Тотчас по занятии Риги русские солдаты стали сбивать на публичных зданиях гербы Швеции и водружать гербы России вместо них.